ГОД ПОИСКОВ

УВЕКОВЕЧИМ ПАМЯТЬ ФАШИСТСКИХ ЖЕРТВ В НОВО-ВИЛЬНЕ

26 мая 1965 года в газете «Вечерние новости» впервые рассказывалось о бывшем лагере для советских военнопленных, существовавшем на территории бывшего военного городка в Ново-Вильне. В то время были известны лишь некоторые архивные данные о лагере. Многое оставалось тайной. Тогда не было еще известно ни одной фамилии военнопленных, попавших в лагерь в декабре 1941 года. Не было следов, по которым можно было бы отыскать бывших его узников.

Прошел ровно год. И сегодня многое уже стало известным о злодеяниях гитлеровцев в Ново-Вильне. Найдены многие свидетели и узники этого лагеря. Некоторые материалы поисков сегодня публикуются.

НАХОДКИ ЮНЫХ СЛЕДОПЫТОВ

Большую работу по сбору материалов о лагере советских военнопленных в Ново-Вильне проделали члены историко-краеведческого кружка учащиеся XI «А» класса 25-й средней школы Алла Малютина, Света Шибина, Лариса Котович, Люда Цветкова, Галя Мысик, Алдона Бражунис, Лиля Теплова и многие другие активисты. Руководит кружком учительница истории Анна Владимировна Бражунис. Юные следопыты на протяжении года обошли сотни жителей Ново-Вильни, окрестных деревень. Они записали все услышанное о лагере, разыскали непосредственных свидетелей и узников лагеря. Поиски развернулись далеко за пределами нашей республики. Военкоматы Харькова и Киева, Фрунзе и Алма-Аты охотно отвечают на запросы энтузиастов-школьников, помогают им в этом благородном деле. Собранные материалы о лагере они оформили в специальный альбом. Здесь показания свидетелей и фотографии, запросы по различным адресам и ответы, письма родным замученных узников лагеря и акты следственных комиссий. Этот альбом по сути и является первоисточником тех сведений, которые известны о лагере на сегодня.

Пройдет немного времени, и о лагере «Кошары» будет написано еще многое.

Вот один из поисков учащихся этого кружка. Бывший узник лагеря «Кошары» младший лейтенант Петр Павлович Афанасьев — ныне слесарь завода «Нерис» рассказал ребятам, как его и еще восьмерых товарищей за подпольную деятельность в лагере «Кошары» заключили в тюрьму на Лукишках. Группа из девяти человек была посажена в одиночные камеры. В камеру № 27, в которой находился Афанасьев в марте 1942 года, поместили еще одного советского офицера — Сергея Романовича Гришина. Боясь провокаций, они некоторое время не сообщали друг другу никаких сведений о себе. Но Гришин сильно ослабел, а вскоре заболел. Афанасьев, поняв, что перед ним советский человек и что его опасаться нечего, стал ухаживать за Гришиным. Так они провели в этой камере около двух месяцев.

И вот однажды Гришину стало совсем плохо, он бредил и просил воды. Афанасьев стал колотить кулаками в железную дверь, чтобы вызвать надзирателя. Тот пришел, и Афанасьев ему сообщил, что нужна для больного вода. Надзиратель удалился и тут же вернулся в камеру с резиновой дубинкой и стал избивать обоих: еле живого Гришина и Афанасьева. После зверских побоев Гришин скончался. Перед смертью он сообщил Афанасьеву, что он из Тулы, работал до войны прокурором.

Школьники запросили военкомат г. Тулы и получили ответ, что действительно до 1941 года прокурором Зареченского района г. Тулы работал Гришин Сергей Романович 1909 года рождения. В начале войны проходил службу в должности командира взвода а с июля 1941 года значится как пропавший без вести.

Школьники разыскали семью Сергея Романовича — жену и детей, проживающих в Туле, и передали им рассказ очевидца П. П. Афанасьева. Вот что написала жена Сергея Романовича Клавдия Александровна Гришина членам краеведческого кружка:

«Не могу найти слов, чтобы отблагодарить вас за письмо, за все то, что вы сделали для меня и для сына, чтобы мы хоть немного узнали о судьбе дорогого нам мужа и отца. Более 25 лет он числился пропавшим без вести. Сын Борис очень похож на своего отца. Трудно поверить, что нет уже в живых человека, сильного физически и сильного духом. Сын Борис вырос и продолжает дело отца, он будет таким же. Посылаю вам фотографию Сергея Романовича».

С. Р. Гришин родился в семье крестьянина. Трудное было у него детство: рано умер отец, в семье, кроме него, было еще трое детей. Он был старшим. Работал в колхозе, помогал матери воспитывать младших ребятишек. Потом его призвали в Красную Армию. Находясь на службе, он полюбил военное дело, остался служить сверхсрочно. Командование направило способного и дисциплинированного бойца на учебу, и он стал офицером, вступил в партию коммунистов. Затем работал в прокуратуре г. Тулы.

Горком партии Тулы направил его на учебу в Москву в высшую юридическую школу, и он снова работал в Туле. Перед самой войной был призван на трехмесячные сборы. Командир взвода С. Р. Гришин первый бой провел под Могилевом. В сражении с неравными силами противника он стойко прикрывал отступление наших войск. Сражался до последнего патрона в автомате, дал возможность отойти нашим войскам. А когда прибыл приказ отходить, было уже поздно. Фашисты окружили горстку смельчаков.

Так начался плен. Их доставили в Каунас. Многие пробовали бежать, но безуспешно. Потом пленных доставили в Вильнюс и водворили в тюрьму Лукишки. Здесь они и встретились с Петром Павловичем Афанасьевым, узником лагеря «Кошары». Здесь, в тюремных застенках, и погиб от рук фашистов советский офицер Гришин.

Гришин в женой Клавдией.

«Я прошел сквозь ад»

Вот что вспоминает бывший узник лагеря «Кошары», а ныне рабочий Ново-Вильняской картонажной фабрики Николай Афанасьевич Юрченков.

* * *

По боевой тревоге 21 июня 1941 года наша мотострелковая дивизия вышла из Вильнюса и взяла курс на Каунас. 22 июня в 18 часов у поселка Жежмаряй под Кайшядорисом мы вступили в неравный бой с пехотой и танками противника. Враг был остановлен. Тогда фашисты бросили на наши части авиацию. Массированными бомбежками с воздуха, большим числом танков врагу удалось прорвать нашу оборону. Майор Васильев с группой автоматчиков прикрывал отступление наших войск. В этой группе был и я. Выполнив приказ, мы с несколькими оставшимися в живых товарищами стали отходить в сторону Минска. Здесь, в лесах Белоруссии, нас окружил враг. Тяжело раненного, контуженного, без сознания, меня доставили в госпиталь в Кайшядорисе. И здесь начался плен.

В августе, а я к тому времени уже немного поправился, всех пленных из Кайшядориса отправили в IX форт Каунаса, а в сентябре с группой в 64 человека перевезли в тюрьму в Вильнюс. А через месяц (в конце сентября 1941 г.) около тысячи человек перевели из тюрьмы в лагерь «Кошары».

С первых дней пребывания в лагере начался настоящий ад, настали дни кошмаров и ужасов, дни голода. Ежедневно умирали голодной смертью 200—300 человек. Сначала трупы умерших немцы вывозили на машинах куда-то за пределы лагеря. А потом стали закапывать тут же, на территории лагеря. Каждое утро от бараков до кладбища выстраивалась вереница узников, которые на носилках, салазках везли трупы умерших. Это были люди-тени, которые шатались от ветра, еле могли передвигаться сами. Были случаи, когда пленные не доходили до кладбища. Потерявших сознание сбрасывали в могилы вместе с трупами. Лагерь обслуживали власовцы, в зверствах не уступавшие гитлеровцам. С ними разговаривать было нельзя, и мы всячески старались завязать связи с местными женщинами, работавшими в лагере на строительстве бани, чтобы узнать о положении на фронте, получать книги и газеты, кое-что из продуктов питания.

Наша группа — фельдшер с Украины Шадуро, врач Ананьев и я—завязала знакомство с Марией Казимировной Гайсенок, Евгенией Иосиповной Блах, Татьяной Яцковской и другими. Они часто приносили нам хлеб, книги, иногда старые советские газеты и, выбрав момент, когда конвоир удалялся, передавали нам. Часто они оставляли все принесенное в условленном месте, а когда их уводили из лагеря в конце рабочего дня, мы в сумерках находили и забирали все.

Из лагеря часто устраивались побеги. Но, как правило, обессиленных беглецов вскоре ловили, доставляли обратно и расстреливали. Попытались убежать и мы, подделали ключи к чердачному помещению, подготовили щель в фронтоне крыши. Получив гражданскую одежду от Марии Гайсенок, в одну из темных ночей спустившись на обмотках с крыши трехэтажного здания и удачно миновав часового, мы скрылись в лесу под Вилютянами. Это было 10 мая 1943 года. Однако далеко убежать нам не удалось — немцы нас нашли.

Нас вновь привезли в Вильнюс, в тюрьму. Здесь всех троих бросили в камеры-одиночки. Так я потерял своих товарищей по лагерю «Кошары» и больше их нигде не встречал.

Вскоре заключенных перебросили в Каунас, оттуда — в лагеря Восточной Пруссии, а потом на шахты в Судетскую область, где 6 мая 1945 года я вновь встретил свободу.

Митинг общественности района на территории бывшего концлагеря «Кошары».

Глазами очевидца

МАРИЮ Казимировну Гайсенок я не застал дома: она работала во вторую смену. А на завтра утром у крыльца меня встретила улыбающаяся женщина. В ее небольшом садике цветет сирень. Первые цветы с сочными красками, покорно опустив свои кисти, нежились на солнце. Как солнечно и тихо в этом маленьком садике! И мне показалось, что своими расспросами о лагере «Кошары» я могу нарушить майскую симфонию цветов и солнца, могу испортить хорошее настроение Марии Казимировне и заставлю ворошить то страшное время войны, которое постепенно улеглось в ее душе на самое дно. Стоит ли поднимать все заново в памяти, думал я, бередить душу человека воспоминаниями о страшном прошлом? Своими мыслями я поделился с ней.

— Можно ли забыть такое?! Нет, этого нельзя забыть, и никакие годы не сотрут в памяти все то, что сотворили гитлеровские выкормыши.

— Ежедневно проходя мимо лагеря, — продолжает она, — мы со слезами на глазах смотрели на оборванных, изможденных людей в солдатских гимнастерках за колючей проволокой. Мы знали, что ежедневно в лагере умирают сотни солдат. Работая на строительстве бани, мы видели, как мимо стен лагеря брели люди в лохмотьях, волочившие за собой санки, накрытые рогожей. Из-под нее свешивались до самой земли плети рук и ног умерших. Их везли на кладбище, расположенное в долине. Эта картина вызывала ужас. Но сами пленные, казалось, даже не обращали внимания на эту процессию.

Мы с подругами ежедневно приносили в лагерь все то, что удавалось наскрести по домам и у соседей: хлеб, лук, махорку. Все зависело от конвоира, прохаживающегося вдоль заграждения. Со временем мы изучили охрану и знали, когда можно передать в лагерь корзину или сверток с продуктами. Когда часовой был чех или венгр, мы с его разрешения передавали пленным все то, что приносили. Но когда часовыми были немцы или власовцы, то невозможно было даже подойти к изгороди. Нам всегда угрожали, если замечали, что мы передаем в лагерь хлеб. Особенно зверски обращались с пленными власовцы. Приклад винтовки всегда настигал военнопленного, подошедшего близко к забору. То же самое было и с нами, гражданскими, желающими помочь узникам. Когда мы связались через Николая Юрченкова с другими людьми из госпиталя, мы уже не передавали больше через проволоку, а прятали все в условленном месте. И всегда радовались, видя, что все, принесенное в лагерь, благополучно минует часовых и попадает в руки узников.

После окончания строительных работ в лагере нас перевели в деревню Вилютяны, а позднее на ДОК (ныне завод «Нерис»). Работая на ДОКе, мы дождались освобождения. Здесь же, на ДОКе, пришлось увидеть обратную картину. Дело в том, что здесь уже были немецкие военнопленные.

В лагере «Кошары» были побежденные, а солдаты с красными звездочками на пилотках прохаживались вдоль забора. После кошмара лагеря «Кошары», где было загублено столько жизней, мы, казалось бы, должны были ответить немцам тем же, т. е. вернуть им все то, за что пролиты были слезы наших вдов и матерей. Но я не помню случая, чтобы русские солдаты чем-то обидели немецких пленных. А сколько хлопот выпадало на долю наших поваров (я в ДОКе работала поваром). Советские офицеры придирчиво смотрели, чтобы в котелки пленных попадало все, что положено по списку. Многочисленные комиссии не давали спокойно работать на кухне. А потом ввели обычай: в день рождения пленный мог получить двойную порцию супа. И мы делали вид, что вовсем не замечаем, когда к раздаточному окошку подходил немец и подавал записку, в которой сообщалось о его дне рождения, и давали ему двойную порцию мясного супа, хотя отлично знали, что свой день рождения он справляет три раза в неделю. Мы отлично понимали его, и потому в его котелок всегда попадала лишняя поварешка супа.

Но поняли ли они? Поняли ли ту разницу между солнечным днем и черной ночью, между гуманизмом и жестокостью, солдатом-освободителем и солдатом-фашистом?

И пусть лагерь голода и смерти «Кошары» будет еще одним обвинительным актом против тех, кто творил черные дела на литовской земле.

Публикуя материалы о лагере «Кошары», подготовленные нашим нештатным корреспондентом инженером Вильнюсского завода строительно-отделочных машин С. Иванюшкиным, редакция «Вечерних новостей» надеется, что с помощью читателей будут найдены новые свидетельства о злодеяниях фашистских захватчиков. Имена непокоренных, сильных духом узников этого лагеря смерти должны быть восстановлены, о них должны знать все советские люди.

Редакция просит всех, кто располагает какими-либо сведениями об узниках лагеря в Ново-Вильне, присылать свои письма.